

«Я видела закат старой Академии...»

ВОСПОМИНАНИЯ М.А.ГОЛУБЦОВОЙ О ПРАЗДНОВАНИИ АКТОВОГО ДНЯ В МДА

Одной из традиций, свято хранимых в возрожденных после Великой Отечественной войны Московских Духовных школах, является ежегодный торжественный акт 14 (1-го по старому стилю) октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы — престольного праздника Покровского академического храма. Наш журнал регулярно отражает каждое такое событие в рубрике «Летопись». В этом номере нам бы хотелось предложить вниманию читателей воспоминания М.А. Голубцовой* — дочери одного из профессоров МДА — о том, как проходил этот праздник в «старой», дореволюционной Академии.

* Мария Александровна Голубцова (1888–1925) — старшая дочь профессора Церковной археологии и Литургики МДА Александра Петровича Голубцова (1860–1911), по окончании Высших Женских Курсов по историко-филологическому отделению работала в Государственном Историческом Музее. Скончалась от чахотки на 37 году жизни 1 / 14 января 1925 года. Очерк написан, вероятно, в 1919–1920 гг.

Печатается по книге: Голубцов С. Московская Духовная Академия в революционную эпоху. Т. I. Ч. 3. М., 1999. С. 144–149.

...Первое октября все ждали в Академии, как Татьянин день в Университете. Заранее было известно, кто будет служить обедню, кого ждут на акт, кто из профессоров произнесет актовую речь и так далее. Гимназистки предвкушали удовольствие академического бала или спектакля в клубе, и все через знакомых наперебой доставали билеты, волновались, что не хватит. Наконец, наступает канун Покрова...

В период моего детства и юности ректорами Академии были епископы: Антоний (Храповицкий), Арсений (впоследствии митрополит Новгородский) и Евдоким¹. Антония я помню смутно, больше — его рыжую бороду, двух последних — хорошо. Они были разные люди, но оба любили чинность и торжественность архиерейского служения, особенно преосвященный Арсений. При нем был организован детский хор, где певчие мальчики носили особые одежды, похожие на синодальные. Великолепные облачения, масса служащего духовенства (иногда число священников было больше двенадцати), чинный ход службы — все это придавало богослужению Академии совершенно особый характер. Церковь была небольшая, домовая, что называется, и вмещала в себе, самое большее, человек 500, но в большие праздники набивалось так много народу, что приходилось у входных дверей ставить полицию. Обычно мы, дети, стояли среди обычной публики. Поменьше были — так в самом переди, вместе с семьей профессора Корсунского², а подросли — в гуще. Но в торжественные праздники стоять там зачастую было невозможно,

и в Пасху, а иногда и в Покров мы уходили к профессорам — то есть в особый коридор сзади церкви, где стояло исключительно профессорство со своими семьями. Здесь всегда было много разговоров. Особенно этим отличались некоторые, вроде С.С.Глаголева, который не мог даже в церкви забыть своего остроумия. Большинство недовольно ворчал или уходило в самую церковь, где около стены было небольшое возвышение специально для профессуры. Там всегда стояли стулья для дам, а стена в высоту человеческого роста

Голубцов А.П. Профессор МДА

была задрапирована красным сукном. Папа всегда молился там. В Покров весь коридор и солея тесно заполнялись: кроме своих, здесь бывали иногда бывшие воспитанники Академии, часто с женами, гости, приехавшие на акт, и наиболее почетные посетители Академического храма, вытесненные со своих постоянных мест.

Всеношная начиналась как всегда встречей епископа. Иногда их бывало двое-трое, они выходили из ректорских покоев, пересекая при этом профессорский коридор. В дверях храма их встречал целый сонм академического духовенства с протодиа-

конами. Служба шла чинно, торжественно, с литией, после которой мы всегда ждали кафизм — их в этот день читал Николай Александрович Заозерский своим густым басом, год от года слабевшим. Когда приближалось время прикладываться [к иконе праздника], в церкви начиналось волнение: по академическому порядку полагалось идти сперва профессорам и их семьям, потом студенчеству, а уж затем всей прочей публике. Но последняя иногда теряла терпение и кидалась стихийно к иконе, так что цепь рослых швейцаров оказывалась бессильной сдерживать напор, и получалась жестокая давка. Бывало, преосвященный Арсений, гневно поводя глазами, не вытерпит и крикнет властно: «Иль вы забыли, что вы в храме?» Грозен он бывал в такие минуты, со своей черной, как смоль, головой и осанкой строгого владыки. Нетерпеливый, вспыльчивый, он иногда воевал и в алтаре, ежели что не так делали иподиаконы, облачая его, или если на клиросе «врали». Один молоденький студентик жаловался: «Такого дурака иной раз в алтаре запустит, что ноги подогнутся». Боялись его, зато ни при ком академическая служба не справлялась так чинно, как при Арсении.

Обедня в Покров шла необычайно долго. Маленький колокольчик, висевший у окна профессорского коридора, долго и как-то жалобно звонил, пока показывалась длинная чередя священства, выходявшего на встречу. Наконец, где-то вдали начал гудеть, как шмель, бас протодиакона, читающего молитвы, и в своей лиловой, с «кисточками» мантии появлялся Преосвященный, начинался длинный и интересный чин облачения. Бывало, придешь рано и, вздыхая, смотришь... И уж ноги устанут, когда протодиакон скажет: «Тако просветится свет твой пред человеки», и владыка осенит народ дикирием под трио детских голосов: «Тон деспотин кэ архиереа имон, кирие филате...»³.

За обедней неизбежно бывали посвящения, иногда во все три чина:

³ Владыку и архиерея нашего, Господи, сохрани (с греч. яз. — *Прим. ред.*).

¹ Перечисленные лица были ректорами: Антоний в 1890 — 1895 гг., Арсений (Стадницкий) в 1898–1903 гг., оба — претенденты на патриарший престол в 1917 г.; митрополит Антоний стоял во главе зарубежной Карловацкой Церкви в 1921–1936 гг. Епископ Евдоким (Мещерский) был ректором Академии в 1903–1909 гг., в 1922–1924 гг. он — активный лидер обновленчества. В 1909–1917 гг. ректором был епископ Федор (Поздеевский).

² Иван Николаевич, профессор Греческого языка, умер в 1899 г.

псаломщика, диакона и священника, причем любопытные сгущивались на середине, следя за происходившим в алтаре, а мы нетерпеливо ждали конца. За причастием говорил проповедь первый студент IV курса, часто какой-нибудь знакомый, уже предназначенный к оставлению при Академии. В большинстве случаев проповедь была ученая, рассчитанная на избранных, и иногда действительно интересная. Наконец, обедня кончалась. Все профессора перед многолетием длинной вереницей шли ко кресту, а оттуда, по окончании литургии, — в ректорские покои, где ожидали акта. Там они пили чай, а прочая публика устремлялась прямо в актовый зал, занимая места и вздыхая по пирожкам. Иногда, впрочем, нам, как профессорским, приносили туда чаю с сухарями, и мы радовались. Через полчаса первая зала, вся предназначенная для публики, начинала быстро наполняться студентами, дамами и гостями. Заняты были ряды стульев сбоку в главной зале, где стоял торжественный, покрытый красным сукном стол с рядами кресел, пока пустых. Профессорские жены, барышни и более почетные гости занимали третий, четвертый и пятый ряды стульев, оглядывая друг друга, здороваясь и весело пересмеиваясь.

Но вот из ректорских покоев слышался шум шагов, и через несколько мгновений показались владыка, иподиаконы, а за ними вся корпорация из Академии, во фраках и орденах, кое-кто из заслуженных — даже в лентах. «Днесь благодать Святого Духа нас собра...» — загудел общий хор торжественно и внушительно. Преосвященный занял место, благословил присутствующих, около него расположились по рангу старцы. Лица все знакомые, но за красным столом все кажутся особо значительными и важными. «Объявляю акт Академии открытым!» — вставая, торжественно говорил ректор Академии.

Через несколько мгновений к нему шариком подкатывается маленький человек, бессменный секретарь Академии Николай Дмитриевич Всехсвятский, принимает благосло-

вение и, поправляя свое золотое пенсне, начинает читать годичный отчет: «В отчетном учебном году студентов в Академии состояло столько-то; из них на первом курсе столько-то, на втором — столько-то...». Мы наизусть знали главные рубрики отчета, всегда писавшегося по трафарету: состав студентов, состав преподавателей, занятия студентов, труды профессоров, перемены в личном составе, средства Академии. Сам по себе скучный отчет все же бывал нам интересен, так как мы хорошо знали всех упоминавшихся лиц, и частенько сухие сообщения отчета тут же дополнялись житейскими мелочами. Во время отчета публика переглядывалась, перемигивалась, а особенно в некоторых местах.

«Труды профессоров» вызывали всегда самое веселое настроение. «Профессор А.И.Введенский напечатал в «Московских Ведомостях» такие-то статьи...», вроде «Наши задачи», — общий смех и взгляды по направлению виновника. «Профессор Казанский напечатал стихотворное переложение псалма...» и так далее. Такие вещи рядом с действительными трудами, конечно, невольно вызывали улыбку даже на самых серьезных лицах.

«Средства Академии». Этот раздел тоже бывал интересен и, главным образом, тем, что ясно было, кто и в каком количестве получил премии. В Академии большинство ее частных средств составляли проценты с капиталов, положенных разными лицами для самых разнообразных целей: за лучшее сочинение студентов первого курса по догматическому богословию; студентам-костромичам за кандидатское сочинение по истории Церкви; преподавателям Академии за сочинение по философии; женатым профессорам... (здесь всегда смех, ибо иногда эта «женатая» премия делилась между монахами!).

Самая крупная премия была Макарьевская — для профессоров, и доставалась она по особой очереди¹. В ней было, кажется, 500 рублей. Некоторые лучшие труды подавались на Уваровскую премию,² это всегда было большое событие.

Отчет окончен. В среде профессоров движение — пробирается к кафедре читающий речь. Он тоже предвзвешенно берет благословение владыки и, симметрично раскланиваясь направо и налево, начинает: «Ваше преосвященство, милостивые государыни и милостивые государи...».

Я многих видала на кафедре во время акта и всякие речи слыхала: «Определение брака в Кормчей» И.М.Громогласова; что-то из истории раскола; из русской истории М.М.Богословского; о Петре Великом; Коновалова — по сектантству; Спасского, Муретова... Помнится, и папину речь слыхала. Но все эти речи как-то слились в одно впечатление актов речи, ученой и по большей части скучной для большой публики. После длительной обедни, перерыва и отчета, слушать целую часовую речь трудно на голодный желудок. Бывало, то и дело ловишь себя на посторонних занятиях: то считаешь медальоны, которыми украшен был лепной потолок актовой залы, то читаешь вирши на них или переговариваешься с соседями.

Наконец, речь окончена. Аплодисменты, более или менее дружные, шум отодвигаемых стульев и «Достойно есть...». Между двумя шпалерами студентов корпорация проходит под звуки «Ис полла эти деспота» в ректорские покои обедать, а мы идем под моросящим дождем домой есть пироги (но без папы). Часа через два он приходит, рассказывает, что было на обеде, и из заднего кармана фрака дает нам великолепное громадное яблоко. Его резали на кусочки, смотря по наличности, но не менее, чем на шесть, и с благоговением ели: «Это с акта!». Папа ложился спать...

Вечером мы с Ваней³ шли в клуб на академический спектакль. Иногда

¹ Очередность была только на Мухомовское и Филаретовское пособия, но не на премии.

² Были также синодальные Макарьевские премии и от Академии Наук.

³ Старший брат Марии, Иван Александрович Голубцов (1887–1966), по окончании Университета — преподаватель, впоследствии — доктор исторических наук (1963).

студенты сами играли, и это было, конечно, самое интересное. Помню, ставили они «Наталку-Полтавку». Сколько тут было смеху, сутолоки и прочего! Потом всегда были танцы: студенты-распорядители с голубыми бантами наскоро растаскивали стулья, втаскивали рояль на авансцену, и начинался вальс — веселый, под конец бешеный, когда уже ничего не видишь, не слышишь и не понимаешь. Весело бывало на академических вечерах. Здесь молодость справляла праздник своей Альма Матер. В боковой гостиной, все окутанные серпантином и осыпанные конфетти певцы бойко перебирали: «По рюмочке, по рюмочке, тилим-бом-бом, тилим-бом-бом! По маленькой, по маленькой, тилим-бом-бом, тилим-бом-бом!»

«Умрешь — похоронят, как не жил на свете. Умрешь — не восстанешь, к веселью друзей», — печально затягивает молоденький стройный брюнет, и веселый хор подхватывает с готовностью и задором юности: «Налей, налей, товарищ, за здравную чашу, ей, врешь, что не пьешь: рюмочку пропустишь». В узком коридоре, толкаясь со встречными парами, ходят нетанцующие или уставшие от танцев. Послушайте, о чем они спорят, и не удивляйтесь, если споры эти отвлечены. Если говорят, то о бессмертии, о Боге, о философских вопросах познания — ведь

это молодежь высшей духовной школы, она любит эти темы и ими заражает своих барышень. Почти у каждого есть своя компания, но тем более жалко одиноких юношей в этот вечер. Как тени, бродят в своих еще не форменных куртках новенькие студенты, не знают бедняги куда приткнуться: знакомых девиц у них еще нет, между собой они плохо сплочены, и вот они-то, подпирая стенки, уныло стоят в кругу зрителей около танцующих, сидят печально в дыму буфета или бесцельно и одиноко бродят по коридору, завистливо глядя на своих старших товарищей. А те в Посаде, как свои: они наперечет знают и гимназисток старших классов, между собой уже давно на «ты», танцуют как настоящие кавалеры. К концу вечера редет в зале, но теснее становится в буфетной, в биллиардной, особенно шумно в маленькой комнатке по коридору, где ужинают артисты. Здесь обычно кончается праздник, и на другой день невидимые свидетели рассказывают, что там разошлись под утро, а кое-кто и ночевал.

Профессура справляла Покров не так весело и единодушно, как студенчество. Говорят, раньше бывали и у нас собрания по вечерам, но я этого не помню. В девяностых годах, а особенно в начале этого столетия, традиции Академии начинали рваться. В круг старых профессоров вли-

лось много новых элементов. Эти молодые вносили с собой новые обычаи. Но все же я помню и «старую» Академию в лице Дмитрия Федоровича Голубинского Василия Осиповича Ключевского, Евгения Евсигниевича Голубинского, Кипарисова, Корсунского, Григория Александровича Воскресенского, Н.Ф.Каптерева, П.И.Казанского, П.И.Цветкова и других, тоже пожилых. Я знала их, конечно, поверхностно, многих видела только в церкви да при мимолетных встречах на улице. Но у меня от каждого осталось на душе свое впечатление. Все они умерли на моих глазах, уступая место «молодой» Академии. И несмотря на то, что все они были люди очень разных дарований и вкусов, было в них что-то общее, что делало их одной семьей. Это был особый мир, со своими законами, неписанной конституцией, которая свято соблюдалась и невольно возбуждала уважение посторонних. И теперь, когда Московская Академия, волею Провидения, лишилась своего крова,¹ растеряв почти всех своих профессоров и большинство студентов, когда ее традиции, и, кажется, даже самое ее существование — в большой опасности, мне хочется вспомнить все, что я знаю о старой Академии, вызвать в своей памяти ее любимый образ, хотя бы в форме неясного силуэта на золотистом фоне заката. А я видела, и в том убеждена теперь, закат старой Академии. Может быть, она возродится, и даже наверное, как ученое и учебное учреждение, необходимое для Церкви нашей теперь больше, чем когда-нибудь. Но быт Московской Духовной Академии возродиться едва ли сумеет. Для этого нужно вернуть всю совокупность неповторяемых условий жизни, которая создала таких людей, как Горский, Голубинский, Ключевский.

¹ В 1918–1919 гг. в стенах Академии разместились военные учебные заведения, эвакуированные из Петрограда, и с 1919/20 учебного года Академия ютилась несколько лет, пока совсем на закрылась, в разных местах Москвы.